Цена номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

литературно-художественный журнал Тул. А.П.П.

АЗЕРБАЙДЖ. ЦЕНТР.
ГОСУД. БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ:

КОСАЯ ВЕРШИНА — отрывок из повести — В. Старцев.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО — И. Ванин.

СТИХИ:

МОЯ РОДИНА — П. Романов.

ОЧЕРКИ:

НА ПЕРЕСТРОЙКЕ ГОРОДА — С. Володин.

В БОЯХ ЗА ПЯТИЛЕТКУ — К. Шапошников.

ПАШОВКИН ХУТОР — А. Медведев.

СТАТЬИ:

СУХИЕ ЛИСТЬЯ — М. Мосолов.

ТВЕРДО ПРОВОДИТЬ ГЕНЕРАЛЬНУЮ ЛИНИЮ ПАРТИИ — И. Костин.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ВОРОВСТВО — ПОЗОР — В. Митрич.

ГЛАЗАМИ ОБЫВАТЕЛЯ — Ив. Злой.

01
М 72.4

Май 1930 года. № 5 (42)

„СУХИЕ ЛИСТЬЯ“.

(Вместо надгробного слова о „Перевале“).

Надувался,
Цветом палевая,
Разорвалася,
Переваливая.
Треску не было.
Шуму не было,
Песни не было
Никакой...
Со святыми упокой!

Таким «напутственным словом» подводил в свое время тов. Безыменский некий итог в жизни и деятельности «содружества писателей революции» «Перевал».

Однако, в последние месяцы мы были свидетелями и шума и треска, предшествовавших (надо надеяться!) окончательному погребению «живого трупа», каким «Перевал» был и остался. Последние его попытки возродиться вновь, собрать расстроенные ряды и занять постоянное место в «садах российской словесности» были только движениями нагальванизированного трупа, слишком искусственными и судорожными для того, чтобы кто-нибудь мог обмануться и принять их за движения подлинно живого организма.

И все же, несмотря на то, что советская общественность разоблачила достаточно ясно гнилую, реакционную сущность «перевальской» идеологии и художественной платформы, эта идеология представляет собой несомненную опасность, поскольку «перевальские» настроения находят отклик даже у отдельных пролетарских писателей, в том числе кое у кого и в ТАПП'е.

С отголосками «перевальства» — воронщины нам еще придется не раз сталкиваться и вступать в борьбу. Значит, складывать оружие еще рано!

Последний, наиболее яркий этап в жизни «содружества» был, пожалуй, самым разоблачающим для этой литературной группы. Речь идет о вышедших одновременно сборниках: «Перевальцы» и «Ровесники», о декларации: «Перевал» и искусство наших дней, и, наконец, о ряде выступлений «перевальских» идеологов и вождей на диспутах и вечерах, посвященных дискуссии о «Перевале». В этих документах и речах, справедливо взятых в штыки коммунистической критикой и советской общественностью, «перевальцы» дали свой развернутый «символ веры».

По существу, все эти документы и речи не прибавляют ничего нового к характеристике литературно-политической физиономии «Перевала». Идеи, содержащиеся в них, давно написаны на «перевальских» знаменах. В данном случае нас интересует только то, что «перевальцы» осмелились эти лозунги повторить сейчас.

Что же представляет собой «Перевал»?

Для четкого марксистского ответа на этот вопрос некритическое рассмотрение деклараций «Перевала» ничего не даст. На первый взгляд «на Шипке все спокойно». Декларации пытаются убедить нас в том, что «содружество» «опирается на свою органическую принадлежность к революции», что оно — «кровь от крови, плоть от плоти своего времени» (из деклар. 1927 г.), что «все эти дети (подразумеваются «перевальцы». М. М.) были каплей горячей крови, напоившей землю: они родились среди битв» (из предисл. к сборн. «Перевальцы»). Таковы высокопарные утверждения «перевальцев». Когда же оружие марксистской критики вскрывает неоспоримую ошибочность (мягко выражаясь!) проповедываемого «Перевалом» взгляда на свою органичность в революции,—«перевальцы», становясь в красивую позу, вещают: «Мы стремимся быть настоящими ровесниками века». «Как развивается писатель-«перевалец» — от революции или к революции—вот что решает дело».

Золотые слова! Конечно, дело решает именно это, но «перевальцы» не хотят видеть, что система их рассуждений уже сама по себе отражает их социальную расплывчатость.

«Для писателя, органически выросшего в революцию и из революции, не существует (в столь острой форме, как для «Перевала») проблемы коренной переделки своей общественной сущности. Для такого писателя, а именно таким писателем считает себя каждый «перевалец»,—немыслима самая постановка вопроса (в такой форме) о маршруте—от революции или к революции. Ответ здесь в основном предрешен исходной посылкой об органичности в революции» *).

И трудность для «перевальцев» была и будет в том, что суб'ективно, быть может, и стремясь к революции, они все же неизбежно попадают в архи-индивидуалистическое самообособление от революции.

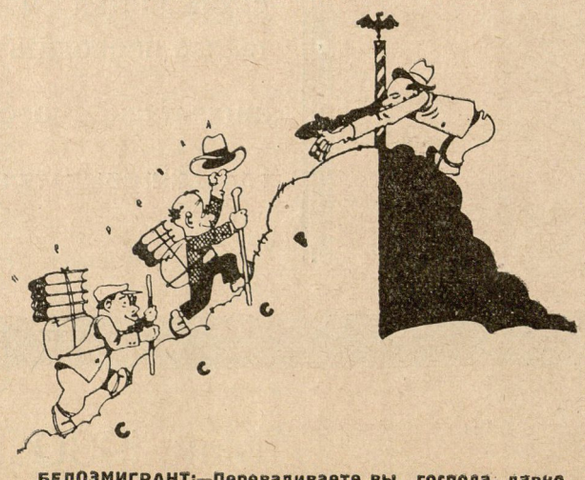
Иначе и не может быть, ибо в творчестве «перевальцев» выхолощена революция, выхолощены: классовая борьба, пролетариат, великая напряженная эпоха социалистической стройки, ибо «Перевал» всеми идеологическими и художественными корнями цепляется за старое, бесконечно дорогое его сердцу «общечеловеческое», «надклассовое искусство». «Перевальцы» с полным правом могли бы написать на своих знаменах:

Подите прочь! Какое дело
Поэту мирному до вас?..

*) И. Нович. «Здесь отсижив. от действит.» Литгазета, № 12.

НА „ПЕРЕВАЛЕ“

Рис. М. Храпковского.

БЕЛОЭМИГРАНТ:—Переваливаете вы, господа, давно, а нашу линию проводите все еще не четко.

Искать об'яснения этому нужно в том что «Перевал» был и остался литературной школой Троцкого—Воронского, подвергавших ревизии основные марксистские положения об искусстве, отрицавших пролетарскую культуру. Эти взгляды давно осуждены партией, как политическое капитулянство, как «предрассудок барства в литературе». Художественная платформа «Перевала», за маской высокопарных деклараций, очень быстро обнаружила свои идеалистические корни, ничего общего не имеющие с философией диалектического материализма. Вот почему борьба с «Перевалом» есть борьба за чистоту партийной политики в литературе, борьба против теоретической и творческой литературной реакции.

«Перевальцы» ничего не забыли и ничему не научились». Их реверансы в сторону революции прекрасно уживаются с отстаиванием старых позиций воронщины и это вскрывает их двойственность и неискренность. Архивариус «Перевала» А. Лежнев недвусмысленно писал: «Мы не раскаиваемся в том, что мы делали, и нам нечего брать назад. Время показало, что мы были правы». *) Действительно ничего нового «Перевал» и не собирается выдвигать. Провозглашенные им за последнее время лозунги: искренность, эстетическая культура и «искусство видеть мир»—новые песни на старый лад. И попрежнему этим лозунгам не хватает «пустяка» — классового содержания и смысла. Вполне прав т. Нович, который, разбирая существо их, говорит:

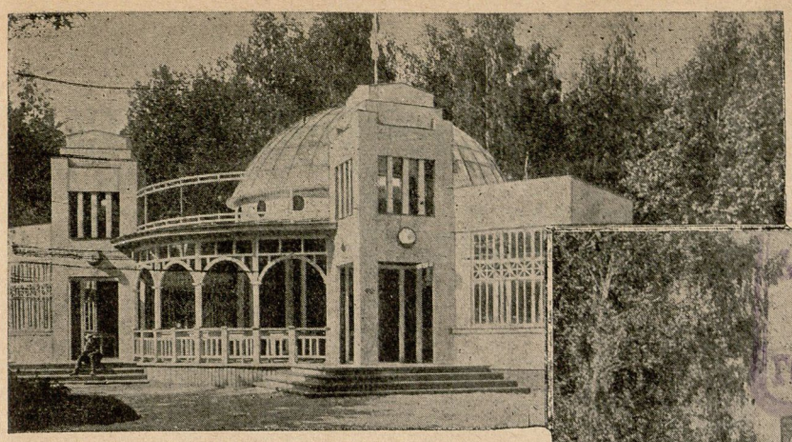
«Проповедывать органичность искусства вообще, независимо от классового смысла лозунга, умение видеть мир независимо от того, с позиций и глазами какого класса видишь мир, накопление эстетической культуры прошлого вообще, независимо от активного классово-суб'ективного к ней отношения—значит, в конечном счете, либо ничего путного не проповедывать, либо (что вернее!) заведомо ориентировать писательство в ложном направлении».

Отсюда явствует, что «Перевал» хочет оставаться аполитичной организацией, однако, каждый мало-мальски полит-грамотный человек знает, что любая «аполитичность»—просто ширма, за которой делается вполне определенная политика. В данном случае за ширмой аполитичности скрыто подлинное реакционное лицо «содружества». Реакционность заставляет «Перевал» систематически противопоставлять себя пролетарской литературе, вести с ней организованную и настойчивую борьбу. В последней своей декларации (напечат. в литгазете за март) «Перевал» открывает форменный бой против советской литературы вообще, утверждая, что сейчас она переживает кризис, что советские писатели обрастают и отрываются от революции, что тяга попутчиков в сторону пролетариата не что иное, как «беспомощность перед эпохой». В декларации содержится прямой демагогический выпад по адресу партии и РАПП'а, утверждающий,

*) Лежнев, из вступ. статьи к сб. «Ровесники».

На отдых, на солнце!
В сады, в парк!

Используйте разумно время отдыха!

АЗЕРБАЙДЖ. ДЕВЛ
ГОСУД. БИБЛИОТ

Парк нультуры и отдыха ежедневно посещают тысячи человек. Площадки, павильоны отдыха, игр, читален, буфет дают хороший культурный отдых трудящимся.

В детском городке парка ежедневно проводят время за играми до 100 чел. детей под присмотром нянь.

что в литературе имеют место.. открытое администрирование «на низах», бюрократизм, головотяпство, непонимание природы и особенностей художественного творчества, облыжные критические наскоки, преувеличения и искажения, казенно-тупой оптимизм, чиновничество, грубые нажимы, подхалимство, комчванство. Прибегают к мимикрии, к обману и себя, и читателя, пишут темным языком с задними мыслями, с кукишами в кармане»

(Подчеркнуто мною. М. М.).

Все эти клеветнические утверждения по существу ничем не отличаются от того, что говорят о нашей литературной политике белогвардейцы и буржуазия. Они лишний раз показывают, что «Перевал» перешел к прямому наступлению на партию, на пролетарскую литературу. Тем хуже для него!

Художественная продукция «Перевала»—яркая иллюстрация его идеологической платформы. Обратимся к сборнику «Ровесники».

Центральное место принадлежит в нем повести Слетова «Мастерство», по заявлению Лежнева—«программный документ» «Перевала». В основе повести лежит мысль о том, что подлинное искусство-творчество несовместимо с ремесленничеством. Что бы ни произошло с носителем подлинного искусства, оно победит, преодолеет ремесленничество. Нетрудно понять, что на фоне новых задач, выдвинутых перед советской литературой сегодняшним днем,—об'явление «Мастерства» программным документом «Перевала» есть проповедь отсиживания от действительности, от социалистического строительства, от конкретных задач сегодняшнего дня.

Не лучше и другие вещи сборника. «Медведи» Пришвина и «Древность» Зарудина воспевают древнее, первобытное, охотничье, возводят это в культ. Об «общечеловеческом», о внеклассовой «искренности», о «красивости» пишут Павленко, Колоколов и др.

Но наиболее характерен стихотворный отдел сборника. Здесь—неприкрытое воспевание уходящей дворянско-помещичье-кулацкой Руси, любование провинциальным захолустьем, картинами природы, бабушками и дедушками, плетущимися под черными зонтиками, отрешенность от всего земного... Чего стоит, например, такой «перл»:

Мы живем не по плану. Не так,
Как хотелось. Мы гибнем в ошибках.
Я такой же глупец и чудак:
Мне попрежнему дорог чердак
И твоя молодая улыбка.

Особо надо остановиться на повести Ив. Катаева «Молоко». Катаев—писатель-коммунист, которого знают по его повести «Сердце», занимающей по праву не последнее место среди выдающихся произведений пролетлитературы. И тем не менее, в своей новой повести «Молоко», напечатанной в «Ровесниках», Катаев скатился к прямой проповеди классового мира в деревне, к идеализации героя повести-кулака Нилова, в котором Катаев видит только крепкого, культурного, хозяйственного мужичка, который «все может», который преодолевает классовые противоречия в деревне своим культурно-хозяйственным авторитетом. Катаев своей повестью укрепил правоуклонистские иллюзии о «врастании кулака в социализм», о «полезности» культурного кулака. Повесть Катаева оказалась водой на мельницу враждебных нам сил. И эта повесть—лучший пример того, как реакционная платформа «Перевала» побеждает правильное творческое направление, которое у Катаева, судя по его «Сердцу», есть. *)

*) На диспуте в «Доме печати» И. Катаев признал повесть «Молоко» ошибочной.

Не лучше обстоит дело и с антологией «Перевальцы». Здесь, из 17 рассказов, 11 написано в духе литературных приложений к «Ниве» 80-х годов. Они рассказывают о лосях, волках, Бабе-яге и т. п. Авторы в стихах и прозе любуются природой, подолгу созерцают сухие падающие листья, воспевают «прекрасных рыцарей» и не менее прекрасных дам.

Где же революция? Где рабочий и крестьянин? Где наша героическая полноценная эпоха? Ничего этого в произведениях «перевальцев» нет.

Вывод ясен: художественная продукция «Перевала» лишний раз свидетельствует о ненужности и вредности этой группы.

Марксистская критика разоблачила «Перевал» до конца. Многочисленные диспуты о «Перевале» показали полное идейно-политическое банкротство «перевальских» вождей и жрецов. Выступления Горбовых, Лежневых и пр. были только жалким лепетом, убедившим слушателей лишь в том, что «вожди» «не хотят пересматривать свои позиции».

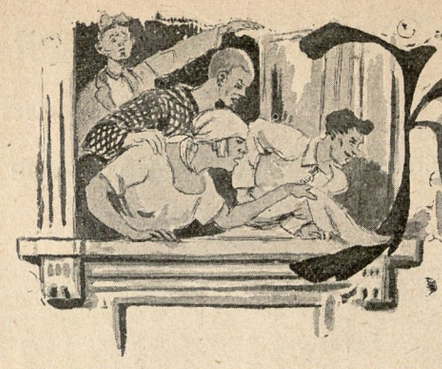
Что ж! Тем хуже для них. Будем надеяться, что этим пересмотром займется основная масса «перевальцев», тем самым осознает свои ошибки и быстрее отойдет от «Перевала», как это сделали в свое время: Караваева, А. Веселый, Багрицкий, Светлов, Дементьев, Алтаузен, Голодный и др. Часть из них теперь активно работает в РАПП'е.

Во всяком случае, задача РАПП'овских организаций и нашей критики состоит в том, чтобы облегчить наиболее близким нам по идеологии «перевальцам» (И. Катаев, Малышкин и др.) быстрее влиться в ряды пролетарской литературы.

И какая же участь ждет тогда «идейных вождей» «Перевала»? Участь генералов без армии?

Поистине, нелепая и жалкая участь!

Мих. Мосолов.

Косая Веришка

Отрывок из повести Вас. Старцева. Рис. Вас. Гильберта.

I.

— Ребята, подкрепление идет!

У распахнувшихся окон,—как сменяется картина на экране,—мигом появились десятки ребят и девушек. Они тянули головы через плечи друг друга, будто намереваясь разом вытолкнуться из окон. Свесившись до половины туловища и увидя «подкрепление», они заколыхались одним многоголовым существом. Заплескались кепи и косынки.

Кто-тоскомандовал:

— Ребята, дружно: раз, два, три!

— Ура!—треснула криком колышащаяся масса над толпившимся у двери «подкреплением».

Студенты, выстроившись, заполонили лестницу с верхних этажей до под'езда, оставив лишь узкий проход для прибывших. Высокого роста парень, с выползшими из-под кепи массивами волос, поднял кверху засученную руку и голосом, похожим на звуки работающего грубого подпилка, скомандовал:

— Раз, два, три!

— Да здравству-ет смена! Ура!—рванулся оглушающий крик, атакуя толпившихся первогодников. Импровизированный оркестр из балалаек и мандолин заиграл туш.

Прибывшие посмелели. Крики и смех наполнили лестницу:

— Ребята, а кто из Калуги?

„Ай, дербень, дербень Калуга“—

забрякала балалайка в руках парня в синей майке.

— Рязанские есть?

— Кто из Тулы, товарищи?

— Серега!

— Гарась!

Герасим Колчев, приехавший в вуз по окончании рабфака, в высоком, с выбившимися из-под кепи крупными кольцами волос, парне узнал товарища по рабфаку—Сергея Рожкова.

Пожимая руку товарища, Колчев заметил: за плечом Сергея из-под красной косынки на него смотрят, чуть хмуря брови, черные, слегка прищуренные глаза.

— Ну, айда ко мне!—заговорил Сергей, не выпуская рук Герасима.—У меня, брат, отдельная комната. Ты не знаешь—я женился. Постой...

Он повернулся и резко крикнул:

— Лида! Лидка, где ты?

— Не кричи. Что же ты не видишь меня?—отозвалась чистым грудным голосом рядом стоявшая и наблюдавшая за Герасимом девушка.

— Вот познакомьтесь: моя жена, Лида Зверева, а это—мой товарищ, Гараська Колчев... Вместе на рабфаке учились... Знаешь, Лида, парень на общественной работе всех зашибет. Во!—и он показал закорюченный кверху большой палец.—Парень, брат... А ты, Гарась, не смущайся,—взглянул Сергей на покрасневшее лицо товарища.—Ты знаешь, Лида, он при девках дикарь бывает... А работать—огонь! Только вот на ученье туп,—смеялся Сергей, пошлепав ладонью по лбу товарища.—В двух отделениях по два года просидел. А ведь мы в один год с ним на рабфак пришли... Выпер все-таки, Гарася?

Герасим снял кепку и стал вытирать платком потный лоб, точно физически переживая, как ему трудно приходилось «выпирать» из рабфака в вуз.

— Ничего, трудно было в курс входить,—ответил Герасим, скользнув взглядом по лицу соседки.

Комната, куда они вошли, была маленькая, с одним окном. Небольшой стол был завален книгами и газетами. Книги лежали и под столом, выпирали из-под матраца. С подушки свешивалась газета. Герасим сел на стул с двумя колышками вместо спинки.

Лида вытащила из-под кровати примус, присела среди комнаты на кукортках и принялась на полу разжигать его. Сергей, приподнимая одеяло, растянувшись на полкомнаты, тоже полез под кровать.

Лида повернулась к нему, перестав накачивать шипящий примус:

— Сергей!—твердо бросила она.

— Ничего... Что-ж такого?.. Мы по-семейному,—отвечал Сергей, доставая бутылку водки.

Зверева села рядом с Герасимом и стала разливать чай. Сергей уселся на кровать. Он наполнил свою рюмку водкой и протянул бутылку к следующей рюмке.

— Это ты мне?—спросил Герасим.

— А, ты, что, и до сих пор остался кисейной барышней?

Герасим ладонью накрыл рюмку.

— Брось, Серега, не буду, честное слово...

— Контрольки боишься?.. Кто же из взрослых не пьет?.. Надо как-то жизнь скрашивать, а то заплесневеешь, брат...

Он попробовал отвести от рюмки руку Герасима.

— Ну, ну, не ломайся. Будто бы и не пил никогда! Ничего не случится... Выпей вот с Лидкой.

Лида смотрела на Герасима вопросительно, плотно сжав губы и смеясь одними глазами.

Герасим в мгновение подумал, удобно или неудобно будет отказаться. Он по временам взглядывал за столом на красивые черты лица соседки. Она не то насмешливо, не то дружески (трудно понять) продолжала смотреть на Герасима.

Герасим чувствовал рядом теплоту женщины и от смущения краснел. Сейчас он не думал о том, правильно или неправильно поступит, как коммунист, если выпьет рюмку водки,—его мысль мгновенно заполнил вопрос, не обидит ли он женщину своим отказом,—и решил, что, должно быть, обидит. Он поднял рюмку, взглянул снова в глаза соседки. На этот раз он убедился, что они смотрят на него тепло и дружески. Рюмки чокнулись. Герасим проглотил горькую влагу.

II.

Сергей последние два дня не ночевал дома. Вначале Лида спрашивала:

— Ты куда, Сергей?

— На охоту, с товарищами..

— А почему ты мне не предложишь?

— Ну, куда тебе! Ты же и понятия не имеешь об охоте. Мешаться только будешь...

Утром Сергей возвращался с опухшим лицом, с воспаленными глазами.

— Что с тобою Сергей?

— Ничего... А что за допросы? Опять это мещанское чувство собственности. Ты забыла обещание: половые взаимоотношения не связывают нас ничем. В остальном мы—товарищи...

Они смотрели в глаза друг другу. Сергей знал, что он не прав, но чувствовал свое преимущество. Зверева смотрела на него гордо и зло. Она повернулась и, не сказав ни слова, вышла.

Сергей в развалку прошелся по комнате, сунув руки в карманы. Беспечно посвистал. Потрогал чайник на столе:

— И чай не стала кипятить,—сказал он вслух. Накинул кепи на затылок и вышел.

Сергей встретил на лестнице Герасима.

— Ты где прячешься? Что тебя не видно?

— Сижу, Серега... Поты выжимаю. Досидишься, будто чугун горячий в голове кипит, и волосы шевелятся, точно под ветром. А потом—самому смешно—все так просто становится...

По лестнице мимо сбежали с звонким смехом две девушки.

— Хороши девчата?—спросил Сергей.

— Ничего—и девчата и ребята.

— Уф, фу, ха,—засмеялся Сергей.—Ну, и кобёл ты, Гарася.. ха... Все-таки ты не забывай,—заходи. У нас иногда вечерушка бывает... Пропоем, протанцуем, продекламируем... Ну, я в столовку... Опоздал. На охоте, брат, был. А ребята какие!.. В политике режутся, у-ух! А ты что, твердо держишься за сталинское большинство? Может так, по ветру?.. Ну, ну, вижу, что не место.. Адью!

Выйдя из дверей, они пошли в разные стороны.

Герасим вспомнил первый день прибытия, встречу с Сергеем и знакомство с Лидой.

Герасим тогда очень комично рассказывал Зверевой о своем ученьи на рабфаке. о том, как первое время даже не понимал многих слов у преподавателей, обороты их речи, и Лида над этим долго хохотала.

Сейчас, идя по улице, ему захотелось увидеть Лиду. Он шел быстро. Неподалеку от себя в высокой женщине впереди он узнал Лиду. Нагнав ее, он тут же подумал, что, встретившись, не найдет, что сказать ей.

Лида обернулась и заметила Герасима.

— Ну, пропадающий, вот ты где попался!—начала она развязно и громко. И смущенный Герасим почувствовал ее блестящий, смеющийся взгляд.

— Ты нас забыл и, видимо, за труд считаешь забежать, хоть и живем мы в одном общежитии..

— Да знаешь,—смущенно начал Колчев, решив говорить с Лидой на ты, как и с другими товарищами в университете.—Сижу подолгу... Сначала, понимаешь, трудновато.. А потом как-то все на удивление просто становится...--Он подумал, что больше ничего не сможет сказать женщине, и будет ему от этого очень неудобно.

— А ты знаешь что, Гераня, — оживилась Лида, — Я тебе буду помогать. Идет?

Герасим от неожиданности остановился. На оживленном, радостном лице Лиды он уловил что-то близкое ему.

— Ну, если ты можешь... то что же .. пожалуйста...—забормотал Колчев.—Наоборот: я очень рад..

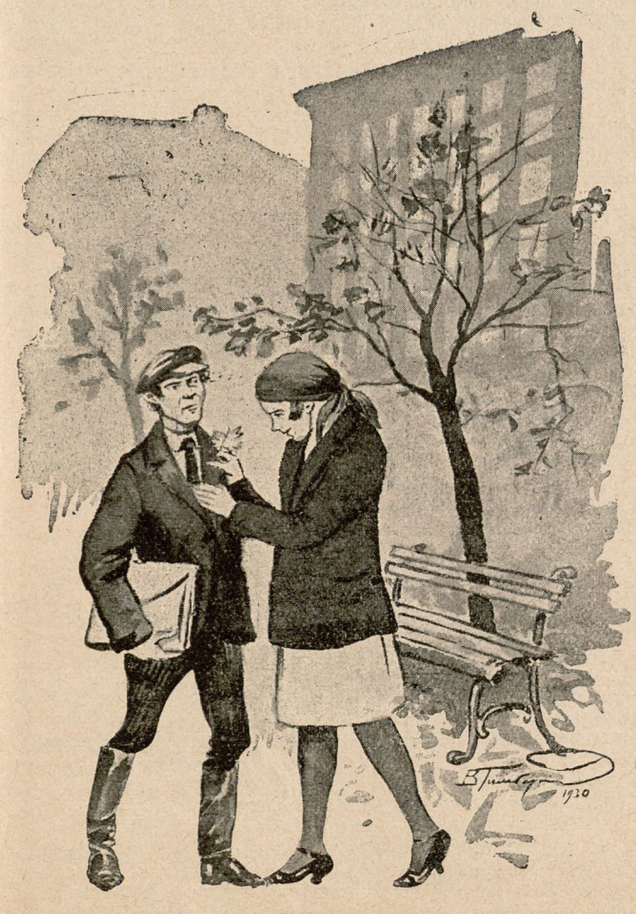
Она пожала его руку. Так, держась рука об руку, они быстро шли к университету по засыпаемому желтыми листьями бульвару. Из-за громад домов подымалось солнце, вытесняя с улиц утреннюю прохладу приближающейся осени. Широкий краснеющий лист упал с дерева на грудь женщины. Она повертела его в пальцах и, смеясь, вдернула в петлицу пиджака Колчева.

III.

Герасим часто с Зверевой встречался в кружках. Она в них была очень оживленной и на редкость способной. В ее выступлениях сквозило заученное знание истории революции, основ марксизма. Колчев видел, что Лида стремилась работать и учиться и отменно от других участвовала в общественной работе. Но он не был уверен, что ею руководило внутреннее побуждение к этому. Он, конечно, не считал, что все это она делает неискренне. Наоборот: он думал, что Лида хочет работать искренно, так же неподдельно, как, примерно, чувствует себя в вузовской среде-- просто, порою, неуклюже грубо.

Лида каждый день спешила к Герасиму «на уроки». Герасим ждал ее и желал этой встречи.

— Да ты подожди! Ну, что ты понял в этом?

Она повертела его в пальцах и, смеясь, вдернула в петлицу пиджака Колчева...

— Это я завтра скажу. Я, понимаешь, Лида, привык сам «добивать» каждое дело до конца. И не слезу с него, пока не добью!

— Да ты, оказывается, индивидуалист и игнорируешь коллективный труд!—пошутила та.

— Ну, вот тебе, сказанула! Ведь творчество каждого индивидуума всегда ценно, если оно направлено на пользу коллектива.

— Ну что же, тогда мне делать тут нечего!—шутя отвечала Лида.

Колчев ее удерживал. А когда она уходила, он просил ее приходить в следующий день, обещая на завтра заняться серьезнее.

Однажды после ухода Лиды Герасим обнаружил в книге у себя на столе записку:

> «Гераня, ты не удивляйся этой записке,—так как-то легче. Я хочу тебе только сказать, что тебя полюбила. Вот и все. От тебя зависит все дальнейшее: я свободна. О Сергее и говорить нечего. Я считала его сильным, а он оказался просто лишним человеком. Если хочешь, давай поговорим. Жду сегодня у себя. Ты обязательно придешь!? Л».

Герасим вскочил со стула возбужденный. Ероша волосы, он пробежал по комнате.

Колчев решил сейчас же пойти к Лиде. Он думал, что она ждет его в эту минуту, и даже представил себе, как она его ждет.

Герасим вышел в коридор, подошел к двери комнаты Сергея и Лиды. В этот момент представил себе вместе с Лидой Сергея с опухшей физиономией.

— А почему она не ушла от него, если полюбила меня?—подумал Герасим, и, чтобы не раздумывать у двери, прошел мимо.

Когда он шел обратно, ему навстречу открылась дверь комнаты Лиды. У двери, увидя Герасима, остановилась Лида. Она радостно смотрела на Герасима, но он, опустив на пол взгляд, прошел мимо.

На утро, встретив Колчева в университете, Зверева, как показалось Герасиму, посмотрела на него зло, сжав тонкие губы. Она не зашла к нему и «на уроки».

IV.

Весь вечер сидел Герасим за книгами, пряча пальцы, в спутанных волосах. Читал он быстро, шумно перелистывая страницу за страницей, не переставая жег папиросы, отмахиваясь от густых волокон дыма, мешающих читать И только, когда в пачке не нащупал ни одной папиросы, спохватился, что из всего прочитанного ничего не осталось в его голове Он швырнул пустую пачку на пол, встал и прошел по комнате, оттягивая расстегнутый ворот, точно он мешал ему.

— И посылают же таких в университет!—сказал он вслух, думая о Лиде.

С мыслью об университете Колчев вспомнил комсомолку Шуру Климову. Остановился, точно увидел ее перед собой смеющуюся над попавшим впросак Герасимом; от этого ее покрытый мелкими веснушками нос был немного задорно вздернут над обнаженной снеговой прорезью зубов.

— Таких бы надо сюда...

В его воображении место Шуры снова заняла Лида; он искал в ней того, что отделяет ее от таких, как Шура. Герасим вспомнил, какой была с ним Лида, вспомнил близкую дружбу их «на уроках» и задумался. Он хотел найти в этой женщине все то, что оправдывало бы ее. Вместе с этим он чувствовал, что не может перестать думать о ней.

Герасим сидел за книгой до поздней ночи. Перечитывая по нескольку раз страницы, он с трудом усваивал прочитанное. В его голову вдруг вошло решение пойти сейчас же к Лиде. Он вышел из комнаты, огляделся кругом по тускло освещенному ящику-коридору, подошел к двери Лидиной комнаты и стукнул, замирая. За дверью Лида спросила:

— Это ты, Сергей?

«Сергея ждет»,—мелькнуло в голове Герасима, и он быстро забежал за угол в перекрестке коридоров.

Он слышал, как открылась дверь лидиной комнаты и, спустя четверть минуты, снова закрылась.

На другой день Герасим видел, как Сергей выходил из общежития с одной вузовкой, а Лида, прячась в коридоре, следила за ними.

«Надо бросить эту волынку»,—решил Колчев, выходя из общежития. Он шел по бульвару и наблюдал, как с деревьев срывались листы и уносились ветром. Солнце белым диском неслось в редких облаках, точно в сетях, по временам вырываясь из них, накладывая уродливые тени деревьев на песке.

Колчев сел на скамейку и закурил, не переставая наблюдать за летящими по ветру листьями. Мимо прошла какая-то женщина. Она взглянула на Колчева, и Герасим узнал в ней Лиду. Он вскочил со скамейки.

— Подожди, еще рано,—грубо остановил он ее.
— Ну?—прищурив глаза, спросила та.
— Сядь, поговорим... Ты, кажется, сама просила...
— Да. Это тогда... А теперь стоит ли?
— Как хочешь... А я думаю, все же нам нужно друг друга понять.

Лида подернула плечами и села.

— Дай папироску!

Она закурила и повернулась к Колчеву, как бы спрашивая этим, что он хочет сказать.

— Ты правду мне писала в записке?—спросил он.
— Ну, правду.., Что же дальше?
— А, если правду, то почему же продолжаешь жить с Сергеем?

Лида перестала курить и опустила голову. Помолчав с минуту, она сказала:

— Видишь Герасим, я любила Сергея.
— А сейчас?

Она опять помолчала немного, сминая в пальцах окурок.

— Да, и сейчас люблю... Только такого, опускающегося с каждым днем, я любить не стану!—и она сердито бросила смятый окурок.—Видишь, Герасим,—подвинулась она ближе к нему, взяв его за рукав.—Я ведь привыкла к Сергею. И парень он был не плохой. А теперь мне его жаль... Вот к нему опять липнут наши девчата...

Лида ближе подвинулась к Герасиму.

— Гераня, милый, ты его старый товарищ, повлияй на него. К нему приходят какие-то подозрительные гуляки... Ведь, его могут и из партии и из университета исключить...

Герасим сидел, наклонив голову, и думал о своем. К Сергею он не питал никакой жалости. Видя заботу о нем Лиды, он даже ревновал ее к нему.

— Да, но как же понять?—начал он, сбиваясь.—Ты не перестаешь любить его и в то же время пишешь мне, что полюбила меня!

Лида посмотрела на Колчева, и в ее глазах снова брызнули смеющиеся и в то же время ласкающие огоньки. Она взяла в свои руки руку Герасима:

— Геранчик, я эти дни только о тебе и думала. Я с каждым днем тебя все больше и больше люблю. Я ждала тебя, Геранчик, а ты.. Ну что же, что у меня осталась привязанность к другому человеку? Я не в силах ее была порвать.. Я бы порвала, если бы ты захотел, Геранчик...

— А ты знаешь, Лидка,—изменившимся голосом заговорил Герасим,—я, ведь, к тебе стучался этой ночью.

— Ты?.. Сумасшедший, ты же любишь меня, Геранчик?..

Герасим схватил женщину, привлекая ее к себе.

— Стой же, сумасшедший! Тут же люди ходят! Идем...

Ночью Колчев, крадучись прошел в комнату Лиды...

V.

Лида ушла от Сергея. Она переселилась в общую комнату своих подруг. Герасима просила скрывать их связь.

Герасим стал бывать с Лидой все свободное время. Если он раньше иногда и думал о некоторых особенностях этой женщины, которые как-то отделяли ее от остальной вузовской среды, то теперь считал в порядке вещей, например, то, что Лида, находясь с ним, становилась совсем другой,—мало похожей на ту, какой была в вузе или среди вузовцев. Она бесконечно болтала о совершенных безделицах. Ее слова почти не выходили за круг того, что касалось ее и Герасима, или отношений, существующих среди вузовцев. Если она что и говорила об учебе, то только как о придатке, необходимом для личной жизни.

Когда Герасим говорил ей о политических или экономических задачах, о газетных новостях, Лида просто молча любовалась им.

Сергей знал о связи Герасима с Лидой и как-то пошутил:

— Отбил жену-то у меня, кобёл...

Герасим, зная, как среди товарищей подвергается насмешкам всякая любовь, как «пережиток», стал отвечать, хвастаясь перед товарищем своим сожительством с его бывшей женой, посвятив его в некоторые подробности. Сергей, дав товарищу несколько советов в этом отношении, ширя в смехе лицо, вдруг вспомнил, что завтра — день отдыха, и поспешил пригласить товарища поехать на охоту. Герасим в мгновенье подумал, что отдохнуть, верно, не мешает. Вспомнил свою Дубное, окружающие его шумливые леса, и согласился.

В дачном вагоне среди ехавших на охоту людей он узнал кое-кого из вузовских парней и девчат. Несколько сергеевых друзей были совсем незнакомы ему. Один парень, в расшитой косоворотке, оторвавшись от окна, прогудел:

— Как уезжаю из города, всегда чувствую себя совсем другим...

Сказал он это, не обращая никакого внимания на оживленные разговоры среди товарищей, и снова глубоко всунул в окно голову.

Герасим вскочил возбужденный...

Отступали последние дома города, точно их кто скатывал под гору. Своей бескрайней массой захватил поезд лес. Перебежкой наступали деревья, роняя кровь предосенней листвы. Они то взбирались на бугор, сгибая под ветром корявые спины — стволы, то скоплялись в низинах, пенясь оранжевой зыбью верхушек.

— Ребята, да это же ни с чем несравнимая красота! — снова повернул голову к товарищам парень в косоворотке. Широкий улыбающийся рот его в это время так глубоко вдавался в щеки, отделяя верхнюю часть лица от нижней, что, казалось, тряхни он сильнее головой, — и верхняя часть ее скатится, как отдельное полушарие.

На него не обращали внимания. Сергей, махнув рукой, — отвяжись! — продолжал разговор с товарищами.

— Дьяволы! Вы не понимаете настоящей, земляной, жизни и силы природы. Она и перед смертью огнем цветет... А вы бесчувственны к ней, потому что не на земле, а на камне выросли...

. . . . . .

Герасим в порядке вещей считал, когда эта компания в лесной сторожке, расстелив одежду, садилась на полу в кружок. Девчата торопливо раскладывали провизию.

Через час толпившиеся за окнами сосны и рядом сидящие люди в глазах Герасима от выпитого вина приобрели какое-то плывущее движение. Поднялся крикливый спор, мещающийся с звонким хохотом девушек.

Герасим мало понимал из того, о чем говорили и кричали находившиеся рядом люди. Он ни с кем не вступал в разговор и сидел скучный, глядя из-под бровей на все расходившуюся в веселье компанию.

Парень в косоворотке, широко расстегнув ворот, встал и, протянув руку с рюмкой в сторону колышащихся в лучах солнца дюжих сосен за окном, пьяным, ставшим похожим на кряканье утки, голосом, прочитал:

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга...

— Эх, товарищи, да с чем вы сравните эти благодатные края! — заключил он, закатывая под лоб маленькие коричневые глаза, глубже вдавливая в щеки широкий улыбающийся рот.

— Ладно, Миша, сядь... Знаем, что у тебя кулацкая идеология, — тянул парня за рубашку Сергей.

Что! Кулацкая? — повернулся Миша к Сергею. — Сами то вы кулаки, засевшие мужику на горб! Кого вы называете кулаком? Того, кто в кровь разрывает ногти за работой и этим сколачивает свое хозяйство. Нет, уж если на то пошло, то без этого кулака вам не прожить и никакого социализма не построить! Я кончил.

Он сел и налил себе новую рюмку водки, проливая через край.

Все смотрели на тонкого, вертлявого Лескова, который мимикой смешно проделывал те же жесты, что и Миша, когда читал стихи. Все зааплодировали.

Сергей похлопал Мишу по плечу:

— Эх ты, кулак!

— Что же, может, верно, по-вашему я и кулак, — успокоившись, заговорил Миша. — Но, товарищи! Где по-вашему мужик лучше себя будет чувствовать: хозяином вольным в этих полях, или в коллективе, где ни на шаг от чужой воли? Знаю, Сергей, ты будешь говорить о новых помещиках-кулаках, которых, по правде сказать, нет и не будет, — будешь говорить о машинах и культуре. Но ты не притесняй мужика, и он покажет, что умеет строить культуру!..

— Все это дерьмо! — вскочил молодой паренек и поэт Володя, с легким пушком над верхней губой, — и политика и люди живут и умирают. А что вечно? Поэзия, чорт возьми! Жизнь без поэзии была бы пошла и суха...

— Ой, ой, ой, куда ты заехал, братишка! — смеясь, покачал головой Сергей, — только не вперед, а назад... Ты, дорогой, опоздал родиться... По-моему поэзия будет похоронена вместе со всем старьем. Заменит ее точный учебник всяких знаний и наук. Никаких душевных переживаний! Никакой психологии! Здравый смысл во всем, четкое выполнение своего дела и полезное совершенствование, — вот что должно стать вместо души у будущего здорового социалистического человечества!

— Ребята, неверно! — завертелся в средине Лесков, поправляя беспрерывно спадавший с головы до глаз клок волос. — Неверно, ребята! Жизнь была и будет борьбой. А в борьбе — и достижения, и неудачи, и страдания, и радости... И все чувства у человека останутся человеческими... Верно, ребята?

— Молодец, Ваня! — зааплодировали кругом.

— Так по-твоему и любовь и ненависть будут вечны? — спокойно спросил оппонента Сергей.

— Да, и любовь... и... — Лесков растерялся. — А насчет ненависти-то, ребята, не знаю... Кого же ненавидеть?.. Предрассудки, ясно, будут изжиты. А, ведь, любовь без противодействия существовать не может.

— Постойте, товарищи! — приподнимаясь на носках, снова заговорил Володя, сминая в пальцах обкусанный окурок. — Условия жизни могут, как угодно, меняться, а все-таки не будет того, чтобы у всех стал одинакового веса мозг, чтобы все одинаково мыслили, жили, работали. Абсурд!.. И жить тогда в такой мертвечине не стоит. Ни в таланте, ни в знаниях, ни в труде, ни в половой жизни нельзя достигнуть абсолютного равенства, а отсюда — и любовь, и ненависть, и добродетельность, если хотите. Да, да, напрасно ее собираются хоронить... И пошлость... Психология попрежнему будет душой человека, регулирующей его поступки... Вот поэзия-то и нужна, чорт возьми, чтобы очищать психологию от всякой плесени, скрашивать и осмысливать жизнь... Вы хотите, ребята, я прочту новое стихотворение о себе, как о поэте?

— Читай, Володя, читай! — закричали девушки, аплодируя.

Взмахивая кверху руку, точно подбрасывая что, Володя стал читать про то, какую большую миссию на него, как на поэта, возлагает наша эпоха:

«В этот мир пришел я песнями стирать
Всю пошлость нынешнего века.
Мои родители — большие мастера,
Что создали такого человека».

Герасим, давно намеревавшийся вскочить, чтобы изругать всех, пробурчал Сергею:

— Откуда нагнал такую сволочь?.. Умны больно и вертлявы в своей философии...

— Ты что это? — спросил Сергей.

— Что за людей собрал?

— Да все наш же, брат, вузовцы... Из второго университета больше.. Ты, что сомневаешься в них? Студенты, брат, были и будут людьми вольными в своих идеях. А идеи, брат, рождаются и живут только в борьбе между собой. Иначе мы, как люди, и не вышли бы из скотского состояния.

— Скотского состояния, — бессмысленно повторил Герасим слова Сергея, оглядывая подмененные, точно покрытые слюдяной пленкой, блуждающие глаза на раскрасневшихся, неестественно веселых лицах парней и девушек. Он мельком взглянул на две танцующие с ужимками пары, будто нарочно пародирующие фокстрот. Снова прислушался к словам Сергея:

— Ребята, брат, только в другой обстановке, но все свои... И рабочие, в роде нас, и интеллигенты. В вузе все — одна семья, не отличишь. Возьми хотя бы нашу Лидку...

— А какого она происхождения, ты знаешь?

— Здравствуй, а ты и не знаешь? — засмеялся Сергей. — Так я тебе скажу, только ты молчи. Понимаешь, она боится, как бы ее не вычистили. Впрочем, пожалуй, и не за что. Она, хоть и бывшая дворянка, но отец ее сейчас — инженер на заводе. Ну, а она еще перед поступлением на рабфак приобрела стаж курьерши. Сейчас это в порядке вещей...

Герасим вскочил. Бледнея и сжимая кулаки, он закричал:

— Эй, вы, шатия! Вас пригрели-то для того, чтобы вы навозом были на дороге революции?! Там рабочие все силы свои убивают на стройках и заводах и ждут, когда вы придете и поможете им. А вы? Эх!..

— Гарась, Гарась, ты что это? — подпрыгнул к нему Сергей. — Ты, оказывается, к породе буйных принадлежишь!. Выпей-ка на!...

Герасим выбил из рук Сергея рюмку и подошел к кривившему в улыбке лицо Мишке.

— Ты испугался нови! Испугался, что тракторы сомнут твою старую деревню, и плетешь о каком-то новом рабстве в коллективе! На кой же ты чорт нужен, если ты не будешь! бороться с настоящим-то рабством в одиночном хозяйстве.

— Гараська, чорт, ни бузи! — стал перед ним Сергей. — Коли спорить не умеешь, так сиди и пей!

— Спорить? С вами?.. Стоит ли с вами спорить! — сразу успокоился Герасим. Класс жизнь перестраивает, а вы в сюртучной философии щеголяете и в новой жизни видите какую-то бухгалтерию обязанностей или еще хуже, — благословляете чувства страдальческой души на вечные времена... Разве внеклассовое общество, в борьбе за лучшую жизнь, не будет продолжать накопление драгоценного мозга, о неравенстве которого тут говорил поэт? Разве в этой борьбе не будут развиваться лучшие чувства человека? Нездоровые психологические переживания, дорогой товарищ поэт, умрут вместе с классами... Вы вот заботитесь о будущем, заскакиваете в него, и не замечаете, что прилипли к прошлому, как мухи к клейкому листу.. Так катитесь вы своей дорожкой! — выпалил Колчев, крепко выругавшись. Он надвинул на голову кепку и выскочил из сторожки в сосновую ночь...

В. Старцев.

МОЯ РОДИНА.

О родина!..
Рабочий, славный город,
Как не гордиться нынче мне
Тобой!
И здесь вот я
В машинном разговоре
Тревожу струны лиры дорогой.

Ах, лира, лира!
Ни к чему ведь мне-то
Такие устарелые права.
Нужны теперь рабочему поэту
Простые
И родные нам слова.

К чему фасон?
Зачем такая роскошь?
Хочу о родине напев поднять.
О, Тула,
Тула!
Милый край!.. Хороший!..
Ты веселишь и радуешь меня.

Тяжелый вздох
Заводов оружейных
Я крепко, неизменно полюбил.
Да, полюбил:
Родную сеть стропил
И прелесть корпусных сооружений.

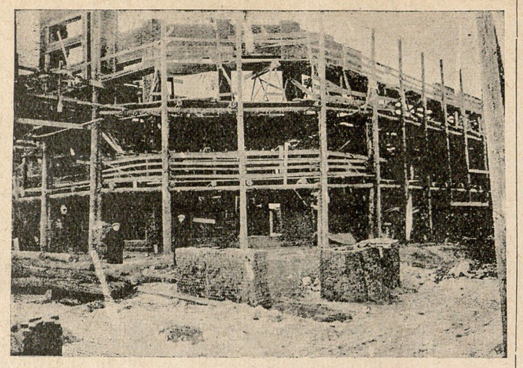
Горжусь тобой,
Рабочий,
Славный город.
Я вырос здесь,
Тут мне б и умереть...
В веселых трудовых переговорах,
В всеобщей схватке
Вдохновлять и петь.

. . . . . .

Пускай ветха
Моя старушка-хата.
Пока пусть ветер
Дует в дыры крыш.
Но твердо знаю:
Будем мы богаты.
Эй, слышь, нужда!.. Шалишь!..

Бодрей!
Бодрей сегодня песнопенье!
Да, трудовая лирика моя.
Не крытое соломою селенье...
Нет!..
Город нынче—родина моя.

Петр Романов.

На стройке клуба железнодорожников.

НА ПЕРЕСТРОЙКЕ ГОРОДА

Очерк Солодина. *Фото В. Павловича.*

Где заплатой пестрел пустырь
И чахли крапивы кусты,
Выставляют бетонный фасад
Многоэтажные корпуса.

ГЛУХИЕ улицы окраины, где несколько месяцев назад «заплатой пестрел пустырь» или стояли, пóкривясь, мазанки — индивидуальные домики, храня мрачный вид и груду традиций, сегодня выглядят совершенно по-иному.

Да, совершенно по-иному.

Здесь над заборами высятся красные кирпичные стены и леса, на которых, как пчелы на сотах, копошатся смуглые, с бронзовеющими шеями рабочие-строители.

Они стучат молотками, кладут кирпич за кирпичем в густую мякоть цемента.

Растут мощные стены, летит известковая пыль, и радуются прохожие на новые растущие дома.

В этом году на тульских строительных лесах работает около четырех тысяч сезонных рабочих.

У Курского вокзала уже подходит к концу постройка кирпичного завода, одного из мощных в СССР, который в будущем должен обеспечить кирпичем все строительство Тулы.

Приятно и радостно смотреть на громадные, хранящие пока в себе полумрак, кубы корпусов.

Кроме того, в Чулкове и Заречье к Октябрю будет закончена постройка клубов, которые по своей архитектуре явятся красивейшими зданиями в Туле.

В этом сезоне строительство в Туле превышает предыдущий год на 35 проц.

Тула растет, мощно раздвигая кольцо города, забирая все пустыри под постройку новых многоэтажных корпусов, которые пойдут под учреждения и квартиры рабочих.

С утренней сиреной гудков и до вечера стучат молотки, гудит ветер по лесам, развевая забрызганные глиной и известью фартуки строителей. Креп·кие, бронзовеющие руки кладут и кладут кирпич за кирпичем на растущие стены.

Но на каждой отдельной постройке, как и в любом цехе, имеются свои недостатки, прорывы и достижения.

На пустыре...

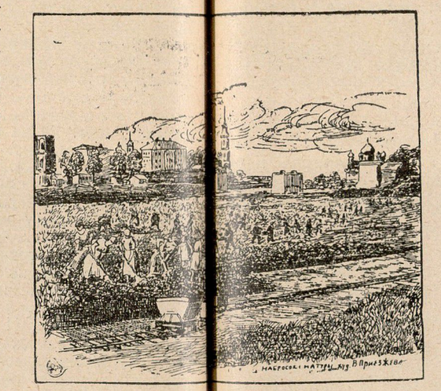
Мы проходим по пóстройке домов оружейн
вода на углу улиц им. Луначарского и Октяб
где работу производит недавно организова
в Туле стройтрест № 2.

Полтора месяца тому назад, когда здесь е
стами в закоулках пустыря почерневшими хл
лежал снег, сезонные рабочие ломали малень
мишки. Летели пыль и мелкая пакля, утрамбо
здесь десятилетиями.

— Через несколько месяцев,—об'ясняет на
раб,— здесь будут возвышаться 5 домов в 4
каждый.

Через несколько месяцев почти в половину
тала на место полуразрушенных хижин встан
мадные кубы домов, где, без сомнения, придет
всем дедовским традициям и старому быту.

— По плану у нас на-
мечено окончить пост-
ройку к январю, — про-
должает об'яснять прораб,
заложив руки в карманы
пальто, — но мы вполне
смогли бы это сделать
и до октября, если бы не
было задержки строитель-
ного материала. Сейчас,—
нужно вам сказать,—
у нас наблюдается боль-
шая текучесть рабочей
силы.

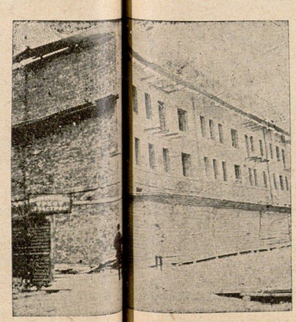
Чулково. На пост ы. *Рис. Приезжева.*

— Мы сюда пришли работать, а не сидеть,— заговорил, вылезая из ямы, с засученными рукавами и в забрызганном известью фартуке, рабочий.— А тут иной раз приходится полдня «груши ош
Я сам вот хотел шапку взять и уйти отсюда,
том все же решил подождать,—может, будет

— Все это получается вследствие плохого
спорта, — об'яснил прораб. — Мы уже н

На постройке домов для оружейников.

На углу улиц кой и Свердловской строится 5-эта с 160 комнатами, дет- ским садом, уголком, магазином, и т. д.

ели в правление треста, и все же — ни чорта рошего.

а когда мы спросили у прораба, есть ли у них рники, то тот, немного смутясь, покачал отри- ельно головой и проронил:

— Пока еще нет...

— Какие там ударники!—заговорил стоявший ря- мужчина лет тридцати.—У нас даже рабочего митета не существует. Вот уже два месяца рабо- м, некому сходить на непорядки пожаловаться. юз почти совсем забыл нас.

— А работает нас 400 человек. Вы бы, товарищ, писали про это,—все, быть может, поможет.

Жалобы на простои, на нехватку строительного териала сплошь и рядом можно слышать на боль- нстве построек.

Мы задержались на постройке около 2-х часов, вершенно не замечая этого.

Вдруг заревела сирена гудка, и рабочие, убрав инструмент, отталкивая друг друга, бро- сились к умывальнику.

— Петр Сергев, кончай, а то к обеду опоздаешь!— закричал небольшого ро- ста, но с большими, повисшими как два куска пакли, усами рабочий.

Петр Сергеев неспеша подошел к умывальнику.

— Ах, мать-честная, вода-то хороша!

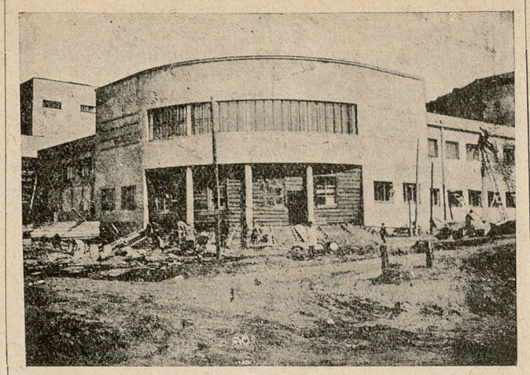
Умывшись, он тихо, в развалку двинулся за ворота. По панелям длин- ной лентой растянулись рабочие, идя на отдых в бараки.

В бараках...

В бараки сезонников мы попали в сумерки. Боль- ое помещение, оклеенное яркими плакатами и ло- нгами, было переполнено рабочими.

Постройка нового дома на ул. им. Луначарского.

Постройка клуба в Чулкове идет к концу.

В узких простенках—портреты вождей, на столах разбросаны газеты.

— Вот это—наш красный уголок,—об'ясняет мне один из рабочих.—Вечерами все сюда собираются, весело бывает: радио, газеты, а любители до шашек засядут с вечера и режутся до полуночи...

— Ну, а как у вас беседы часто бывают?—спрашиваю идущего впереди меня рабочего.

— Какой там часто!—поторопился он с ответом,— за два месяца вот только и провели две беседы. Все собирались о коллективизации провести несколько бесед, а пока только одну сделали. Нужно сказать правду: культкомиссия у нас недавно работает.

А здесь ведь есть сезонники, которые не знают даже, что такое соцсоревнование и ударные бригады.

Проходим в общежитие. Встречаются знакомые лица рабочих, которые только-что несколько часов тому назад стояли на лесах, клали кирпич, мешали глину. Они сейчас лежат на койках и отдыхают. Некоторые читают газеты, другие, собравшись в кружок, обсуждают свое домашнее хозяйство. До меня случайно долетел обрывок фразы:

— Как ни как, все же в колхозе я себя много лучше чувствую...

Проходим дальше.

— Это—наша столовая,—заметил шедший рядом со мной, уже пожилой, с белой пеньковой бородой, сезонник.

— Все, почесть, здесь обедаем. Цераб коп приучил нас к горячим обедам. Плохо вот, что мяса мало дают, — работа-то не конторская: тут сила, брат, нужна; иначе ничего не сделаешь...

— Это верно: без силы ничего не сделаешь...

Завтра они вновь с шести часов утра встанут на подмостки лесов. Зазвенят топоры; на лица осядет известковая пыль. Солнце лучами, как охрой, осыплет постройку.

Упорно, с каждым кирпичем, растут многоэтажные корпуса на месте пустырей.

Итак:

Здесь литься топорным руладам
До первой осенней прохлады.
И лишь листья роща уронит,
Город покинет сезонник.

Дом Советов ночью, во время работы 2-й окружной партконференции.

Тверже проводить генеральную линию партии.

С 25 по 31 мая в Туле работала 2-я тульская окружная партийная конференция.

Она прошла под знаком широкой большевистской самокритики, направленной на вскрытие ошибок и недочетов в работе как московской областной, так и тульской окружной парторганизаций.

Все эти дни зал Дома Советов был переполнен. Трамваи, взбирающиеся на гору,—туда, где горели световые буквы «ВКП(б)», были набиты до отказа. Делегаты конференции, гости и многочисленные делегации рабочих тульских фабрик и заводов мощным потоком вливались в зал.

Тульская парторганизация, в лице своих делегатов, с величайшей активностью обсудила стоявшие на повестке конференции вопросы. В прениях по докладу ЦК ВКП(б), сделанному тов. Ярославским, выступил 31 чел.; 50 проц. выступавших составляли рабочие от станка. Для участия в прениях по докладу окружкома записалось около 150 чел.

Все выступавшие целиком и полностью одобрили политику ЦК, ведущего партию по ленинскому пути, мобилизующего широкие массы трудящихся на преодоление стоящих на этом пути трудностей.

В резолюции по докладу тов. Ярославского конференция заявила:

«Четко осуществляя генеральную линию, намеченную XV с'ездом ВКП(б), решительно и беспощадно борясь на два фронта: против правого уклона, являющегося главной опасностью на данном этапе, «левых» загибов, остатков контрреволюционного троцкизма и примиренчества к уклонам,—ленинское руководство ЦК ВКП(б) обеспечило ленинское единство рядов партии, крепость диктатуры пролетариата, решающие победы на фронте социалистического строительства».

Вместе с тем конференция со всей четкостью отметила ошибки МК и тульского ОК, выразившиеся в задании провести сплошную коллективизацию к 1 марта и в подмене лозунго партии о ликвидации кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации, лозунгом ликвидации кулака и новой буржуазии, как класса в целом.

Задание о проведении сплошной коллективизации к 1 марта вызвала погоню за дутыми цифрами. В Крапивенском районе были, примерно, такие разговоры:

— Сколько у тебя коллективизировано на сегодня?—спрашивают вечером в рике председателя сельсовета.

— 30 проц. хозяйств,—отвечает пред.

— А затра сколько будет?

— А завтра будет вдвое больше.

Конечно, при таком «вовлечении» не могло быть и речи о создании действительно крепких колхозов, в которых все спаяны единой целью, единым стремлением. Колхозы организовывались «смаху», без учета местных возможностей и условий.

Московская областная парторганизация и тульская окружная, являющаяся ее частью, имеют крупнейшие недочеты в области борьбы за промфинплан. «Слабая мобилизация рабочих масс на борьбу за выполнение и перевыполнение промфинплана, неудовлетворительное использование огромного под'ема трудового энтузиазма и творчества широких рабочих масс, соцсоревнования и ударничества при все еще слабом выполнении важнейшей директивы ЦК о единоначалии на производстве»,—таковы основные недочеты в этой части. Парторганизация еще не перестроилась, не повернулась лицом к производственным задачам.

Здесь можно привести десятки фактов: промфинплан до станка не доведен; административно-технический персонал в соревнование не включился; головотяпство отдельных администраторов тормозит работу ударников и т. д., и т. п.

В резолюции по докладу ЦК конференция подчеркнула:

«ЦК ВКП (б) своевременно помог московской областной парторганизации, ее руководству стать на правильный большевистский путь признания своих ошибок и тем самым создать условия для действительного и быстрейшего их искоренения».

Конференция единодушно присоединилась к решению ЦК по докладу тульского окружкома, в котором ЦК дал большевистский анализ состояния организации, по-большевистски вскрыл крупные недочеты и ошибки окружного партруководства и наметил четко задачи, стоящие перед парторганизацией и ее руководством в особых условиях военной промышленности.

На двухтысячном митинге рабочих тульских предприятий, давших обещание полностью ликвидировать производственные прорывы к XVI партс'езду, тов. Ярославский заявил:

— Нам нужно из самой неграмотной и нищей страны сделать страну самую богатую и самую счастливую, и мы эти задачи выполним, несмотря ни на какие трудности.

— Тульская парторганизация идет к XVI партс'езду монолитной и сплоченной вокруг генеральной линии партии, вокруг ленинского ЦК,— сказал в заключительной речи секретарь окружкома тов. Седельников.— Мы удесятерим энергию в деле выполнения задач, поставленных партией и ее ленинским ЦК.

Ив. Костин.

Новый секретарь Окружкома ВКП (б) т. А. И. СЕДЕЛЬНИКОВ.

Тов. Седельников по социальному положению—рабочий-металлист.

В партии состоит с 1914 г. За свою революционную деятельность неоднократно подвергался преследованиям и арестам в дореволюционное время. В годы гражданской войны т. Седельников был одним из организаторов большевистского подполья в тылу у Колчака. Затем работал секретарем тюменского губкома (Сибирь).

По окончании Свердловского университета, в течение 4 лет работал в ЦК ВКП (б) ответственным инструктором.

Последнее письмо

рассказ Ив. Ванина рис. В. Тильберг

Можешь меня поздравить: «вышла замуж»...

Помнишь, когда-то я, шутя, обещала позвать тебя на «красную свадьбу». Оказывается, и шутка может превратиться в действительность, и не всегда можно выполнить обещанное! И не потому, что не хотела, а просто оттого, что никакой свадьбы не было!..

Мой муж (позволь представить!)—человек с довольно приятной наружностью. Прямолинеен и прост.

Его нельзя назвать красивым, но он мне нравится. Думаю, что буду любить долго, а разлюблю—уйду! Во всяком случае, не допущу двойственности и разврата, чтобы быть похожей на тех «дам», что встречала в ялтинском доме отдыха и о которых тебе писала!..

Неожиданность,—ступенька к смущению,—заставляет иногда теряться. Когда он просто предложил: «Будь моей женой!»—я, не знаю почему, сказала:

— Я уже любила одного, моя любовь—трагедия!.. Я только несколько раз... и то при случайных и мимолетных обстоятельствах... целовалась с любимым человеком!..

Не правда ли, какой наивный и глупый ответ?!. Как будто, я хотела, как мещанка какая-то, доказать, что я—«невинная» девушка! И, ты знаешь, что он ответил на это? Он улыбнулся и сказал:

— Мне нужна не добродетельная мещанка, а жена-товарищ!—и тут же добавил:

— К чорту всякие свадьбы! Переходи ко мне в комнату и заживем, как муж с женой и как товарищи!..

Что я могла сделать?!. Ты всегда упрекал меня в отсутствии «смелости». Ошибся, товарищ! Я ушла и живу с ним!..

Таким образом, как видишь, дело обошлось даже без «красной свадьбы». Полный режим экономии!..

Сейчас, когда вспоминаю людскую пошлость и грязь, мне становится стыдно. Откуда являлись такие мысли?!. Ведь, это я тебе писала: «Топчи других, а то тебя затопчут!»...

Нет! нет! Это—не мои мысли! Я отказываюсь от них! Я—комсомолка! Я не могу и не хочу желать лишь для себя личной и хорошей жизни!..

Это (я знаю!) был стон встревоженных нервов, неудовлетворенность, так называемой, «первой любви». Проще говоря: «физиология требовала своего»...

А, теперь? Теперь я—дама-работница, жена-товарищ! Скажу по секрету: мне даже хочется иметь... ребенка...

Пожалуйста, не смейся! Для новой жизни нужны настоящие, новые люди! Молодых—недостаточно!

Мы с тобою молодые, а уже впитали в себя много кой-чего из отбросов старого, догнивающего мира!..

Изменится экономика—изменится и общество, и люди будут другие, новые!..

Тут ты можешь улыбнуться и подумать, что я начинаю философствовать по политграмоте. Ну, что-ж! Улыбайся! В жизни обязательно нужно знать и политграмоту, а все ли ее знают?.

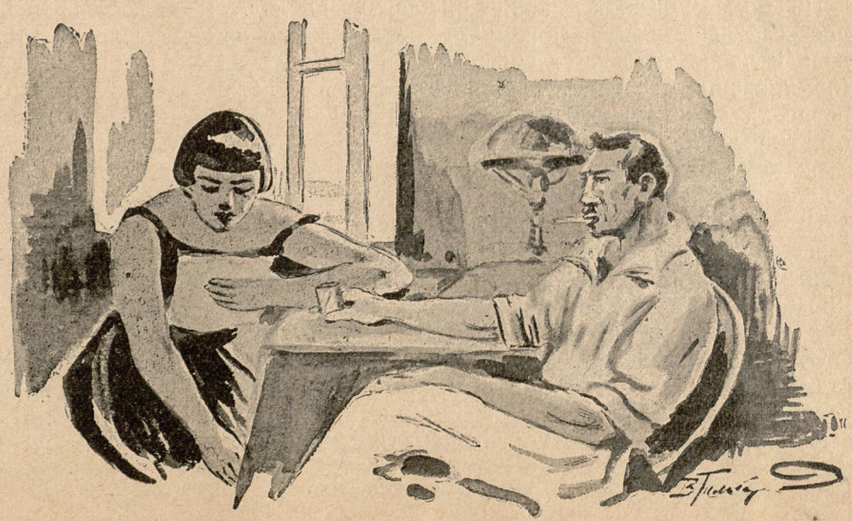
Да! Теперь только я чувствую, что живу настоящей полной жизнью! И, как это удивительно! Ведь, собственно, ничего выдающегося не случилось! Я служу на прежней службе; так же спокойно, как всегда, работаю в комсомольской ячейке (правда, с большей энергией, чем раньше!), но почему так изменилась жизнь?!..

Люди мне уже не кажутся пошлыми и грязными. Я знаю, что на свете много паразитов и много зла; идет беспощадная мировая классовая борьба, но я не хнычу, а вместе с рабочими борюсь за новый мир, за новых людей!..

Постой! Я, кажется, не об этом хотела писать! Ах, да! О муже, о любви... Ну, слушай!..

Я показала твои письма мужу и предложила ему прочитать (ты писал—мне, значит, эти письма мои, и я могу их показать, кому хочу!). И ты знаешь, что он сказал?

— Хочешь—слушать буду, а сам читать не стану. Так сказал он. И я, конечно, вслух перечитала все твои письма.

Он слушал молча и только курил...

Чтение затянулось до 2-х часов ночи. Он слушал, молчал и только курил...

Когда я прочла последнее письмо, он сказал: — Написано интересно: видно, парень не глупый писал!..

Видишь, ты заслужил одобрение моего мужа! Даже, скажу, больше, чем одобрение. Муж сказал, что я должна написать тебе письмо и посоветовал:

— Найдешь нужным — веди переписку. Дело—твое!..

А ты? Мог бы ты так поступить на месте моего мужа? Хотелось бы поверить, но я знаю—ты не такой. Вспомни, что я тебе писала про ревность!..

И вот после этого я решила разрубить все узлы, поставить все точки. Это — последнее письмо...

Послушай! Знаешь ли, что ты сделал для меня своим вторичным появлением на один день в Т...?! Ты обещал на второй день явиться и опять, как и тогда (помнишь—на новый год!), блеснул, как блуждающая комета, и уехал, не простившись, в Москву.

Фото Розенберга.

„Держи коня в теле — не подведет он и в деле".
(Кавэскадрон 84-й дивизии).

Я—знаю: ты учишься, тебе некогда, но это не значит, что имеешь право плевать в чужое сердце!..

Первый раз мне было очень тяжело. (Об этом я тебе писала подробно и честно!). После второго твоего исчезновения меня захлестнули волны бешеной ненависти. Каюсь! Я тебя ругала и называла «скверным человеком»!.. Тогда же я твердо решила покончить с тоскою и сердечным нытьем!..

Я постоянно думала о тебе, а тут — этот Жоржик изо-дня в день вьется около меня. Предлагает мне «руку и сердце»!.. (Ты его—знаешь!.. Рабфаковец К.).

Жоржику я открыто сказала, что мы можем быть друзьями, а женой его не буду. Он хороший товарищ, но немного ветреный и поверхностный. Мне нужно не такого мужа!..

После этого я основательно «взяла себя в руки», принажала на служебную и комсомольскую работу, и мне стало легче. Но, не знаю, долго ли выдержала бы такую «нагрузку», если бы не появился он...

На комсомольской ячейке он делал доклад. Я председательствовала. Почему-то после своего доклада и после заключительного слова он не ушел (обыкновенно все докладчики стараются улететь после заключительного слова!), а остался до конца собрания.

Мы вышли вместе. Разговаривали и незаметно дошли до моей квартиры...

На второй день, вечером, он зашел ко мне. Я была одна. Из знакомых (к счастью!) никто не явился. Мы пили чай и опять разговаривали. О многом. И тут у меня неожиданно сверкнула, как молния, новая мысль—«Вот такого бы мне мужа»!..

Это подействовало ошеломляюще! Я перепугалась. Мне стало стыдно и страшно, но я скоро успокоилась. Я вспомнила, что ты мне много раз, в шутку, предлагал поскорее «выйти замуж» за первого мужчину, который мне сразу понравится. (И в шутку ли ты предлагал?!) И я тут же решилась...

Нет! Не подумай, что я бросилась к нему на шею! Пока он сам не предложил, я могла лишь тайно желать... Хотя это тоже глупо!

Почему мужчина должен первым предлагать, а если бы я первая предложила! Разве это преступно?!

Пустяки! Не важно, кто кому предложил, но что же мне оставалось делать после твоего вторичного скрытого от'езда?! Итти к Жоржику или снова ожидать твоих появлений на один день, чтобы после этого еще больше сгорать в любовных мечтах? —Благодарю покорно! Всему бывает конец!..

Я тебе писала (вспомни, сколько раз!), что «сухой переписки» мне мало. (Ты же знаешь—мне 20 лет!). От тебя я не добилась—ни «да», ни «нет», а только самым преглупым образом внушила себе—«любовь» и промучилась под игом этой любви больше двух лет!..

Конечно, если по справедливости сказать, в этом было много незабвенного! Вспомни, как ты робко и нежно поцеловал меня в прошлом году, перед моим от'ездом в Ялтинский дом отдыха! Были и счастливые минуты одиночества, когда я мечтала о тебе, были...

Эх, что там! Больше, кажется, ничего не было, кроме редких ласковых писем! А зато сколько переживаний, сколько слез и прочей любовной чепухи!..

И это называется «любовью»!..

Довольно! Не хочу я больше такой любви!..

Жизнь и без подкраски красива и сильна. Нужно честно брать и давать,—полностью,—по своим силам!..

Пашовкин хутор.

(Набросок А. Медведева).

Пашовкин хутор находится в одном километре от поселка Епифань.

Впрочем Пашовкиным он назывался когда-то до Октябрьской революции.

Теперь этот хутор целиком принадлежит Епифанской сельскохозяйственной коммуне.

При хуторе живут пять семей коммунаров (остальные члены коммуны живут в поселке).

О житье-бытье Епифанской коммуны мне рассказывает один из членов ее правления, Иван Петрович Логунов.

Иван Петрович не только рассказывает, но и показывает.

А показать ему есть что.

Спокойно, без излишнего бахвальства, Иван Петрович ведет меня, в первую очередь, в большой, облитый молоком цветенья, сад.

Сад обработан руками коммунаров и обработан великолепно. Все до одного деревца тщательно окопаны и выбелены. Сушняк вырезан под руководством опытного садовода. Весь сад своевременно опрыскан раствором табака и купороса. Это затем, чтобы вредные насекомые и их гусеницы не с'ели урожая.

— С садом-то у нас все благополучно, — говорит Иван Петрович,—зато с капустной рассадой дело никуда не годится: всю мошкара поела!

Из фруктового сада мы перебрались в ягодный.

Старый владелец на ягодный сад большого внимания не обращал, и он дичал и зарастал.

Теперь коммунары взялись за его основательную расчистку. Они вырезали забуревшие лозы и выбрали сорняки.

Мало того, они нарезали черенков и организовали новые посадки ягодных растений.

Посевы капустной рассады расположены рядом с ягодным садом.

Над широкими грядами, покрытыми маленькими нежными растениями, вьются стаи бабочек-капустниц.

— Вот что с ними, с дьяволами, поделаешь? Летают и жрут... А ведь тут на тысячи рублей добра-то растет,—ворчит Иван Петрович.

И он прав. Капустной рассады в Епифанском районе очень немного. В единоличных хозяйствах ее совсем нет. Имеется она только в совхозах и колхозах.

Епифанские коммунары это хорошо учли и ведут с капустницей упорную борьбу.

По совету агронома, они посыпают гряды с рассадой какими-то химическими снадобьями и окуривают их навозом.

Вот и теперь над ними носятся целые тучи удушливого, остро бьющего в нос и щиплющего горло дыма.

Все это, конечно, очень помогает молодым растеньицам, но все же капустницы ухитряются взять свое и рассаде от них здорово достается.

Есть у коммунаров и питомник плодовых деревьев.

— Сами из зерен выростили... Сначала посадили немного, потом еще добавили, и вот теперь видите сколько!—показывает Иван Петрович на длинные, широкие гряды, усеянные молодыми деревцами.

Из ягодного сада, огорода и питомника, мимо затененной сажалки, мы проходим на хуторской двор.

В текущем году в Скопинском районе широко применяется посадка цикория.

На снимке: процесс садки цикория в Чулковском совхозе.

Идем мимо риг, где девчата-коммунарки отбирают семенной картофель, звонко хохочут и поют.

Коммунары, и пожилые и подростки, работают в амбарах (перетаскивают какие-то мешки).

За хутором гулко грохочет трактор.

— Ну, как, дружно живете-то? Не ссоритесь?—спрашиваю я Ивана Петровича.

— О-о, тут на хуторе у нас спайка большая! Все друг друга уважают, и никто никого дурным словом еще не обидел!—с гордостью отвечает Иван Петрович.

Помолчав с минуту, он добавил:

— Вот там, среди городских членов, злыдней много бывает. А все это потому, что там мещан много...

Когда мы проходили дальше, то Ивана Петровича остановила группа молодых коммунаров.

— Иван Петрович, вы сделали нам биты-то с чушками? Страсть, как хочется вечером в городки поиграть!

— Сделал, сделал!—добродушно смеется Иван Петрович.

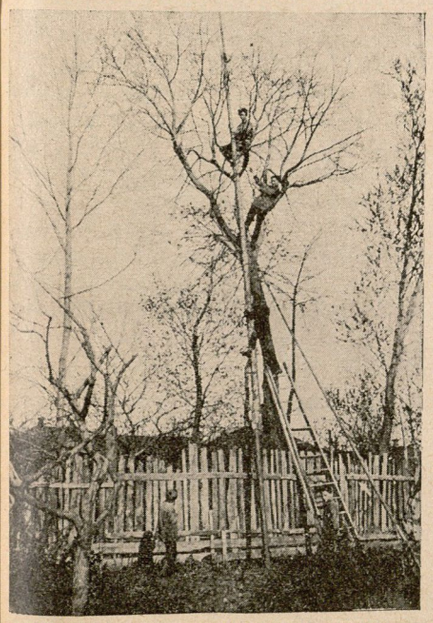
Уходишь из Пашовкина хутора с радостным сознаниеи, что это теперь не прежнее барское имение, а новое коллективное хозяйство, где строится новая жизнь.

Строится радостно, уверенно и прочно.

Епифанская коммуна.

21 мая—30 г.

Новый быт в деревне.

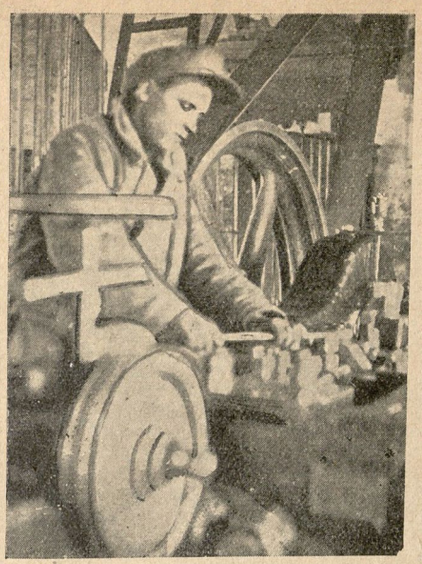

Деревенские комсомольцы устанавливают у себя радио.

Рис. ГРОМОВА.

В боях за пятилетку.

Очерк К. Шапошникова.

Установка нового немецкого станка на фабрике „Феникс", станок дает 80 баутов в минуту (на фабрике будет установлено еще 2 таких станка).

РУБАНКИ врезаются в тело досок, наполнивших сосновым запахом мастерскую.

С верстаков медленно, медленно падают кудри—стружки.

Это — столярный цех механической № 1 мастерской патронного завода. Цех небольшой, всего 11 чел. работают в нем. Но эта, хоть и небольшая, семья тесно спаяна в производственной коммуне.

— Работали мы в одиночку, не переругивались, спорили,—рассказывает руководитель коммуны т. Василевский.—А с декабря мы все в коммуне. Одна расчетная книжка и товарищеская помощь друг другу.

Работая в одиночку, рабочие столярного цеха зарабатывали в месяц 900 руб., а об'единясь в коммуну, даже снизив расценки более чем на 20 процентов, столяры стали зарабатывать 1300 рублей. Коммунары не имеют ни опозданий, ни прогулов, ни выговоров.

Производственные задания цех всегда выполняет с превышением.

* * *

30 долгих годов стоит у раскаленного горна т. Еремин. 30 лет из расплавленной массы он делает нужные заводу детали для станков, для производства.

Опираясь на кочергу, он стоит, зорко глядя в нутро горна, на клокочущий, расплавленный металл. И только слегка согнулась его спина, никогда несходящим бронзовым загаром покрылось лицо.

Первой в мастерской вступила в соцсоревнование молодежь.

Забурлила молодежь. Организовалась в ударные бригады, началось соревнование между одиночками. Новым, социалистическим методом пошла работа в мастерской.

— Ну-к что ж,—сказал т. Еремин приставшим к нему ребятам,—соревнование, так соревнование. И меня принимайте в ударники.

После этого вместо 6 плавок в день т. Еремин стал делать 7 плавок. За ним потянулись и другие горновые.

На чистке литья т. В. Я. Илюшин (он на заводе работает 35 лет и первый перешел на ударность) организовал бригаду, поднявшую производительность труда на 20 проц. Так лучшие производственники держат с нами соцсоревнование и борются за выполнение плана великих работ—пятилетки. А равняясь по ним, вся мастерская в первое полугодие второго года пятилетки свою производственную программу выполнила на 102 проц.

* * *

Выстроились в ряд десятки корпусов ватермашин ТМСО оружзавода. Они в мастерской пока неподвижны. Не слышно рокота движения сотен веретен.

Сборочный цех даст им жизнь, заставив говорить на языке, хорошо знакомом текстильщицам.

Сотни машин выпускает ТМСО. Они идут в Иваново - Вознесенск, Тверь, Шую и другие текстильные города СССР. ТМСО не выполнял программы выработки ватермашин. Это, конечно, не могло не отразиться на выпуске мануфактуры. И сказали сборщики ватеров рабочим Тулы и Союза:

— Наша советская страна требует от нас нужных машин, и мы обещаем в подарок XVI с'езду партии дать сверх программы 8 машин.

Они уже выполняют свое обещание. В апреле были готовы 4 машины и 4 даны в мае. Это—только отдельные примеры энтузиазма рабочих, а обо всем не могут рассказать сотни толстенных книг.

О борьбе миллионов нужны миллионы книг.

* * *

Грохот громадных валов заполняет прокатную мастерскую патронного завода. Хватая цепкими крюками медные листы, лязгая цепями, ползают под потолком неуклюжие электрические краны. Особенно тяжело работать на ручных прокатных станах.

— Ну, и работка!— возмущались прокатчики.— Не доживя веку, сдохнешь... Хоть бы помог кто.

И помощь пришла.

Тов. Крутилин не один раз задумывался над этим, записывал, подсчитывал и чертил что-то в своей книжке, а через несколько месяцев сказал рабочим:

— Ребята, прокатный стан будет механизирован!

Проведенная механизация прокатного стана сократила рабочие силы на этом переходе на 30 процентов и облегчила самую работу.

А вот еще:

Изобретение т. Козлова в столярной мастерской дает заводу экономии 12 тыс. рублей. Оно поставило всю работу мастерской в совершенно другие условия.

Таких примеров сотни и тысячи.

* * *

С каждым днем растет армия рабочих - изобретателей, занятых одной мыслью: отдать свои знания и свой опыт на строительство социализма. Только два завода: оружейный и патронный,— насчитывают больше 2-х тысяч рабочих-изобретателей. Рабочая мысль неустанно, изо дня в день, бьется над улучшением своего производства и облегчением труда рабочего.

Вскрытие производственных прорывов подняло новую волну рабочего изобретательства.

Вот что говорят об этом цифры: за прошлый 1929-30 г. по оружейному заводу было внесено 1460 предложений, давших заводу 260.000 р. экономии, а в этом году только за полугодие уже внесено 1200 предложений, из которых 50—60 процентов, уже проведенных в жизнь, дают заводу 380.000 руб. прибыли.

А как они работают?

— Придешь с работы, ребятишки полягут спать, а ты сидишь, голову ломаешь до одури,—рассказывает оружейник т. Селезнев.— Наконец, сделаешь и как будто все хорошо. А назавтра проверишь, все к чорту, насмарку.

... Но вот проект готов. И снова хождение по мукам, околачивание порогов комиссий и подкомиссий.

Упорство изобретателя преодолевает преграды и изобретения устанавливаются в цехе.

* * *

Каждый день, каждый год все ближе и ближе подводят нас к намеченной цели — к социализму. Труден этот путь, но неистощима энергия рабочего, он не знает никаких преград. Под руководством стальной ленинской партии он ломает все преграды, идя к заветной цели—социализму.

„На западном фронте без перемен".

(КНИГА РЕМАРКА).

Глазами мелкого буржуа.

„Книга Ремарка „На западном фронте без перемен" разошлась за год: в Германии в количестве 990 тысяч экз., во Франции—440 тыс., в Англии—310 тыс., в Соедин. Штатах—305 тыс. и т. д.

(Журн. „Журналист" № 8 1930 г.).

Либеральный представитель мелкой буржуазии, воспитанный на буржуазных понятиях о родине, культуре и прогрессе, Ремарк, как тысячи других «сынов родины», под влиянием патриотической агитации своего классного наставника—Канторека, вместе с товарищами добровольно уходит на войну:

„Все четверо девятнадцати лет, все четверо—попавшие на войну с одной школьной скамьи"...

Бесчеловечное, зверское обращение военного начальства с солдатами, кошмарные картины походной, окопной и боевой жизни на фронте, страдания и стоны раненых и умирающих по лазаретам и еще сотни всяких ужасов империалистической бойни отрезвляют пылкую патриотическую фантазию и опустошают неокрепшее мировоззрение:

„Мы начинаем любить мир и жизнь, нас же заставили стрелять по всему этому. Первая разорвавшаяся граната угодила нам в сердце".

И еще:

„Война сделала нас ни к чему не пригодными".

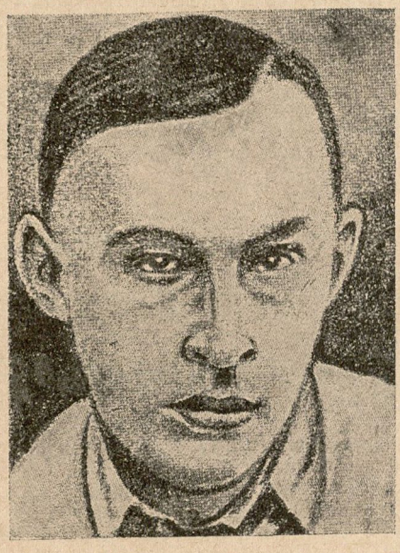
Но это—не главное! После всех потрясений и жертв, после всего, что отдано, как самое лучшее, «на алтарь отечества», казалось бы, не лишне получить определенную благодарность, вознаграждение, так сказать, за все труды военные, за все, что отдано под проценты.

У кого же требовать, от кого просить награду? И Ремарк с болью в сердце скорбит, пробуя кивнуть в сторону крупной финансовой буржуазии:

„Дни, недели, годы, проведенные нами здесь (на фронте.—И. З.), вернутся еще раз, и наши убитые товарищи восстанут тогда и будут шествовать с нами, наши головы прояснятся, у нас будет цель впереди, рядом с нами будут наши убитые товарищи, а позади нас годы фронта... Но против кого, против кого?".

Да, «против кого»?! И «кому» может мелкая буржуазия пред'явить свои векселя к оплате?! Пролетариат платить по этим векселям не будет. Он может сам показать еще неоплаченные ему счета за мировую бойню; он пред'являет и пред'явит мировой буржуазии все свои счета к оплате в свой «последний и решительный бой» с мировым капиталом.

А вот мелкой буржуазии, действительно, некому пред'явить свои счета! Не пойдет же она к кучке банкиров и финансовых королей

РЕМАРК.

(фактических заправил буржуазного мира, виновников войны) клянчить «христа ради», зная наперед, что это бесполезно.

И она, конечно, только охает и стонет, подсчитывая свои потери:

„Должно быть, есть люди, которым война приносит пользу"...

И Ремарк не изменяет своей среде. Кистью большого художника он рисует трагические картины всех жертв, вольных и невольных, отданных мелкой буржуазией для защиты родины.

Товарищ Радек в предисловии к книге Ремарка об этом говорит так:

„До 1914 года она (мелкая буржуазия.—И. З.) верила, что победы улучшат ее положение, откроют ей новые перспективы. Теперь же на опыте последней мировой войны она поняла или во всяком случае почувствовала, что она одна из жертв войны"...

И все это сделало, конечно, книгу Ремарка настольной книгой в семье мелкого буржуа по всем странам мира. И потому она имеет колоссальный тираж...

Но поэтому ли только? Читает ли ее одна мелкая буржуазия и как на нее смотрит крупная буржуазия, и, наконец, нужна ли эта книга пролетариату?..

Представитель крупной буржуазии, генерал фон-Мерц, в своей статье о книге Ремарка (в «Военном Еженедельнике»), ругая книгу и самого Ремарка, говорит:

„Автор судит о событиях с точки зрения лягушки, засевшей в своем болоте".

Генералу, видите ли, не нравится книга Ремарка!

Не лучше отзывается и фашистская печать:

„Это—тяжкое оскорбление германской армии и фронтового солдата. Ремарк—самозванец. Никогда не был он воином, за которого осмеливается выдавать себя".

(„Листок союза императрицы Луизы").

В чем же дело? Почему мелкой буржуазии книга Ремарка нравится, а крупная буржуазия и фашисты не любят этой книги?

Ну, о мелкой буржуазии мы сказали достаточно. Чтобы не повторяться, можно только резюмировать:

Ремарк, показывая все ужасы империалистической войны, об'ясняет их, как идеолог мелкой буржуазии.

А вот фашисты и крупные акулы мирового капитала ненавидят книгу Ремарка, потому что он, как большой художник, поднимается на недосягаемые высоты и агитирует своей книгой против войны.

И вот тут мы скажем и о пролетариате.

Нам книга Ремарка нужна. Она художественными картинами, потрясающими по своей силе эпизодами возбуждает ненависть к войне.

Мы можем отбросить, при критическом подходе к книге Ремарка, всю его мелкобуржуазную идеологию, а к художественным картинам, направленным против войны, присоединить свою ненависть и против постоянной вдохновительницы войны—буржуазии всего мира.

Читайте книгу Ремарка!

Иван Злой.

Литературное воровство—позор.

ПЛАГИАТ—литературноеворовство—у нас наиболее распространен в двух видах. Первый—это ничем не отличимое обычное воровство с корыстными целями: чужое произведение выдается за свое для того, чтобы на этом подзаработать. Появились даже такие профессиональные воры: одни, выписывая все печатные издания и, главным образом, из наименее распространенных списывают чужие произведения, рассылают их по редакциям других изданий, изменив лишь подпись под произведением, и таким путем «зарабатывают»; другие сами раз'езжают по редакциям провинции, выдают себя за известных писателей и поэтов и устраивают их произведения, получая гонорар. В своем мошенничестве они доходят до такой наглости, как публичные выступления с читкой произведений тех, чьи имена они присвоют.

В конце-концов, эти мошенники попадаются и предстают перед судом.

Другой вид плагиата—это нестерпимое стремление получить известность, славу. Этим видом болезни страдает, главным образом, молодежь. Болезнь эта тоже серьезная, и если против нее не принять своевременных мер, то она может стать хронической болезнью: страдающий ею превратится в литературного вора-рецидивиста.

Случаи литературного воровства,—и не редкие случаи,—встречаются и у нас, в Туле. Надо сказать, что большая часть нашей молодежи стремится «испробовать» (именно «испробовать», а не заняться серьезно) свои силы в поэзии. Вместо того, чтобы взяться за систематическую литературную учебу, за упорнейший труд,—может быть, более тяжелый, чем какой-либо другой труд,—над преодолением творческих навыков, над серьезнейшим художественным творчеством, наши молодые, так называемые «начинающие поэты», овладев кое-как рифмой, да и то самой скверной, и возомнив себя гениями, принимаются за стряпню стихов.

В журнал «Молот» ежедневно поступает по нескольку таких стихотворений. Это—самая обыкновенная, сплошь и рядом состоящая из шаблонных, избитых, затасканных выражений, рифмованная,—да к тому же очень скверно рифмованная,—проза. Стихи эти, конечно, никуда не идут. Но жажда у многих авторов этих стихотворений чем-нибудь «блеснуть» неутолима, и они прибегают к плагиату.

Таких литературных «воров» нам приходится очень часто разоблачать и пресекать эту болезнь в корне.

Несколько лет назад один из пареньков (называть его не стоит) на собрании ТАПП зачитал свой, очень плохой рассказ. Но в этом рассказе оказалось одно хорошее место о разговоре во сне комсомольца с Лениным. Пареньку указали, что это место он выхватил из рассказа Марка Колосова. Пареньку было стыдно, но собрание сумело ему растолковать, что надо делать, как надо работать, как надо учиться, чтобы самому писать. Паренек серьезно взялся за работу, а сейчас он далеко не плохой поэт и очеркист.

Второй случай, с другим молодым пареньком Б, много серьезнее. Он присылал в редакцию стихи и с таким подражанием известным поэтам, что в этих стихах попадались целые строчки Безыменского, Маяковского и др. Возвращая стихи, парню указывали на этот «недостаток». Но он не унимался. Несколько таких стихов даже сумел поместить в газете «Молодой Коммунар». Такое поощрение развило в парне болезнь строчкогонства, т.-е. погони за гонораром, что привело его к плагиату. Паренек дошел до того, что в газете «Коммунар» списал стихотворение члена ТАПП Л. и принес его редакции «Молота» за своею подписью. Конечно, парень тут же был разоблачен. Но он сразу не сдался, а попробовал обвинить т. Л. в плагиате: будто тот у него «украл» это стихотворение. Б. даже принес литстраницу «Пионерской Правды», где это стихотворение было помещено за подписью Б. Но позднее в присланном по почте письме он раскаялся в воровстве этого стихотворения.

Паренек этот исправился. Теперь он дает целиком свои произведения,—и не плохие.

По недосмотру редакции у нас были два случая помещения чужих стихов. Тоже молодой парень Орехов поместил за своею подписью стихи А. Жарова.

Недавно обнаружен еще случай плагиатства. Борис Гроздюшко, или Полевой, ученик 4 единой школы, как говорят, «прижился» в редакции газ. «Коммунар». Он, еще в коротких штанишках взялся за «серьезную» газетную работу, чуть ли не за репортаж, собирая новости дня. Он даже пробовал за счет редакции передавать новости в Москву (точь-в точь американский репортер, не гнушающийся никакими средствами), но был уличен на месте. Конечно, не юнкоровские стремления руководили им, а заразившая его гонорарщина, халтурничество. Руководимый этим, он поместил в «Молоте» за своею подписью «Стихи о паровозе», принадлежащие перу поэта А. Туманова и помещенные ранее в № 3 журнала «Земля советская».

Что же надо сделать, чтобы искоренить литературное воровство, как позорное явление?

Конечно, с рвачами и действительными корыстными ворами нужно поступать более решительно—отдавать их под суд (в советском законодательстве есть статья, карающая за плагиат, как за один из видов мошенничества).

Но несколько иначе надо поступать с теми, кто к плагиату прибегает по недомыслию. Их надо исправлять путем бесед и помощи им. Такой подход, как видно из вышеприведенных случаев, часто приводит к исправлению товарища; даже больше: если в нем есть способности, товарищ, путем упорной самоучебы, упорной работы над собой, начинает проявлять свои способности в своих произведениях.

Литературное воровство, как одно из собственнических традиционных наслоений в нашей психологии, должно быть вытравлено в наши дни самым решительным образом.

В. Митрич.

Ответ начинающим писателям.

П. Елину, Тула.—Ваши „Антипасхальные“ частушки написаны очень слабо. Во-первых, у вас во многих местах отсутствует рифма и не выдержан ритм, что для частушек необходимо.

Далее вы пишите:

„По-новому Русь будет жить“.

Нужно знать, что у нас Руси не существует, а есть СССР.

И. Судакову, Тула—В вашем стихотв. „Песня пролетариата“ ничуть не отражен сегодняшний день; кажется, что песня написана лет 10 тому назад. При том надо отходить от таких сравнений, как „гады-капиталисты“, „хищники-империалисты“; эти устарелые сравнения снижают художественную ценность стиха. Больше работайте над собой, читайте пролетарских поэтов: Безыменского, Жарова и др. Присланное не пойдет.

Н. Строговой, Тула.—В присланном стихотв. „Новый труд“ вы нового ничего не даете. Просто поверхностное описание весны, чувства радости.

„Общественный гранит“—не совсем точный, ясный образ. Старайтесь высказывать мысль более ясно и по-своему.

Больше работайте над стихами.

Пособием может служить книга Крайского: „Что нужно знать начинающему писателю“.

А. Миронову (дер. Желудевка, Алексин. района).—Тематика ваших присланных стихов современна, но вам необходимо больше работать над формой стиха и глубже прорабатывать задуманную тему. Пишите меньше, больше читайте и работайте над вашим словарем.

Рекомендуем прочитать Малахова „Как строится стихотворение“.

П. Трунову, ст. Щекино.—В стихотв „Единственный выход“ вы пишите:

„Вдруг по стране нашей обширной
Колхозов стройка пронеслась.
Завыли жалобно машины,
По полю гордо пронесясь.

Во-первых, стройка колхозов „пронестись“ не может. Надо выражать более реально. Во-вторых, неудачно употреблено выражение „завыли жалобно машины“, а тем более „гордо пронесясь“.

Как пособие, рекомендуем книжку Маяковского: „Как делают стихи“.

Л. Токареву, Тула.—Сюжет вашего рассказа „Соловейка“—старый,—на эту тему писалось сотни раз.

Язык героев (особенно любовные об'яснения) напоминает бульварные романы. Рабочие подобным языком не говорят. В дальнейшем стремитесь давать более реальные темы.

Т. Леонову, Скопин.—Присланный вами очерк к печати не подойдет. Ваша „восторженность“ при описании завода ничем не оправдана, дано неубедительно. Нужно писать проще и яснее. Вы ни слова не говорите о значении завода для округов и районов, о его производительности и о рабочих. Надо серьезнее подходить к работе.

Вл. Катаеву, Тула.—Стихотв. „На смерть В. В. Маяковского“ сделано слабо. Вы пишите: „Ты умер, и тебя не стало“ Понятно и без того, что, если умер, то его не стало.

Учитесь выражать мысль коротко, но ясно. Работайте над рифмой и над ритмом, с чем у вас не совсем благополучно.

Читайте пролетпоэтов: Светлова, Маяковского.

Литконсультация.

Издатель газета „Коммунар“. **Редакционная коллегия: А. Ярцев, В. Старцев, С. Володин.**

Тулокрлит 580. Типография Тулпечати. Тула, Коммунаров, 42. Заказ № 3617. Тираж 2000 экз.